

Китайская
литература

The title is centered on the cover. The word 'Китайская' is on the top line and 'литература' is on the bottom line, both in a bold, black, serif typeface. A green shield with gold borders and floral motifs is positioned behind the text. Ornate gold scrollwork and floral designs extend above and below the shield.

Китайская литература *хрестоматия*

*Древность
Средневековье
Новое время*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1959

СОСТАВИТЕЛЬ — Р. М. МАМАЕВА
ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Н. И. КОНРАДА

О Т С О С Т А В И Т Е Л Я

Еще несколько лет тому назад составление такой хрестоматии было бы бесплодной мечтой: слишком мало было у нас переводов с китайского, в особенности — переводов древней и средневековой литературы. Только в последние годы, благодаря энергии восточной редакции Государственного издательства художественной литературы и редколлегии серии «Памятники литературы» издательства Академии наук СССР, у нас появилось такое количество переводов, что составление хрестоматии по китайской литературе стало возможным.

Хрестоматия открывается кратким очерком истории китайской литературы за время от начала этой литературы, т. е. с XI—VIII вв. до н. э. по XIX в. н. э.

Можно надеяться, что этот очерк и вступительные статьи к отдельным переводам дадут достаточное для широкого читателя, на которого хрестоматия и рассчитана, представление об общем ходе развития литературы в Китае и об ее отдельных памятниках.

В известной степени состав хрестоматии предreshался имеющимися в нашем распоряжении переводами образцов китайской литературы, поэтому, естественно, имеют место значительные пропуски. Так, например, недостаточно представлены различные жанры поэтической прозы, составляющей особенность китайской литературы вообще. К сожалению, у нас мало опубликованных переводов таких произведений. От некоторых, опубликованных еще до революции, пришлось отказаться, так как качество переводов не было на должной высоте.

Совершенно отсутствуют в хрестоматии образцы китайской классической драматургии, тогда как драма китайского средневековья представляет явление огромной важности. Пополнение состава хрестоматии переводами китайской драмы — дело будущего.

Естественно, что при наличии переводов, сделанных разными людьми, они довольно пестры по своему качеству, но это неизбежно в такой работе, тем более, что в ряде случаев выбирать не приходилось — двух переводов одного и того же произведения почти не встречалось.

Эти недочеты настоящей хрестоматии все же вряд ли могут заслонить собой настоятельную необходимость в появлении подобного труда, и, если он хоть отчасти поможет читателю постигнуть глубину и красоту китайской классической литературы, скромная задача составителя будет выполнена.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древность (XII в. до н. э.—III в. н. э.)

Более трех с половиной тысяч лет назад, около 1600 г. до н. э., в разных концах Старого света произошли крупнейшие события.

В древнейшем государстве мира Египте во времена XVII династии были изгнаны завоеватели — гиксосы, восстановлена независимость Египетского царства и открыта новая эпоха в развитии его великой цивилизации. В Индию вступили арийцы, и началась эра развития другого великого очага цивилизации. В Восточной Азии образовалось Иньское царство — было положено начало еще одному великому очагу цивилизации — китайскому. Именно от эпохи этого царства дошли до нас первые памятники китайской письменности — надписи, вырезанные на костях животных, на щитах, черепахах.

В начале XII столетия до н. э., по традиционному летоисчислению в 1122 г., Иньское царство пало; его заменило другое — Чжоуское, названное так по наименованию рода царей этого царства, в свою очередь воспроизводившему название племени. Это царство возникло почти одновременно с другой могучей державой древности — Ассирией.

Чжоуское царство было таким же китайским, как и павшее Иньское, только на смену одной группе племенного конгломерата древних китайцев пришла другая. С эпохой этого царства и связано начало китайской литературы. В XI—VIII вв. до н. э. складывались те песни, оды и гимны, часть которых впоследствии вошла в древнейший памятник китайской литературы, позднее получивший наименование «Ши-цзин» — «Книга песен». Эти песни и гимны складывались тогда же, когда в древней Индии начали звучать гимны Ригведы, а в древней Ионии — этой малоазиатской части эллинского мира — формировались песни будущих «Илиады» и «Одиссеи». Так в эти века в разных частях мира зарождались те гениальные поэтические произведения, которые в дальнейшем стали гордостью всей мировой культуры.

Чжоуский Китай, как и древняя Греция, был страной полупатриархальных, полурабовладельческих царств. Цари из дома Чжоу занимали среди правителей этих царств положение, напоминающее положение Агамемнона — «царя царей» — в древней Греции. «Ши-цзин» сохранил нам песни этого царства — любовные, семейно-бытовые, обрядовые, охотничьи, походные, пиршественные, песни трудовые — в первую очередь земледельческие, ибо китайцы были земледельческим народом уже тогда, когда появились древнейшие из дошедших до нас памятники его истории. Некоторые из этих песен, особенно те, которые связаны с происхождением земледелия, развиты настолько, что заставляют думать о сложении эпоса на основе обширного мифологического материала; некоторые песни, повествующие о походах против кочевников — исконных врагов земледельческих народов, — близки к воинскому эпосу.

Наряду с образцами лирической и эпической народной поэзии в «Ши-цзине» есть и произведения другого характера, свидетельствующие о зарождении новых форм поэтического литературного творчества. Это пиршественные песнопения, оды в честь властителей — прежде всего предков Чжоуского дома, основателей Чжоуского царства; это, наконец, политическая поэзия: песни, говорящие о недостатках правления, о пороках в среде правящих, о клевете, о стяжательстве. От таких песен, складывавшихся в среде служилых людей, надо отличать народные крестьянские песни, в которых звучит жалоба на тех, кто не трудится, а амбары у них полны, жалоба на необходимость по приказу правителей бросать свой дом и свое поле и уходить в далекие походы. Таким богатейшим по содержанию памятником, отразившим чуть ли не всю жизнь общества того времени, открывается история китайской литературы.

В песнях, одах и гимнах «Ши-цзина» раскрылся и своеобразный облик китайской поэзии. Помимо обычных, необходимых для всякой поэзии элементов — размера, ритма и мелодики, помимо определенных структурных элементов — стиховой строчки и строфы, в песнях «Ши-цзина» наличествует и рифма, притом строгая, с определенным чередованием, чаще всего — а-а-б-а. Если вспомнить, что ни поэзия древней Греции, ни поэзия древней Индии рифмы не знала, следует признать, что китайский народ первый в истории человечества создал поэзию, озвученную рифмами.

«Ши-цзин» — памятник литературы Чжоуского царства. В 770 г. до н. э., за несколько лет до того как появился в истории человечества Рим, это царство распалось. Составлявшие его отдельные владения превратились в самостоятельные царства. Их было много — крупных и мелких; они возникали и исчезали. Эпоха этих царств, охватывавшая VIII—III вв. до н. э., означала прежде всего интенсивное расширение осваиваемой древними китайцами территории. Во время Чжоуского царства — в XII—VIII вв. до н. э. — китайцы заселяли лишь бассейн одной из своих великих рек — Хуанхэ — и то главным образом по среднему ее течению. В VIII—III вв. они распространились на бассейн Янцзыцзяна, т. е. нынешний Централь-

ный Китай. Это расселение, приводившее к освоению новых территорий, сопровождалось образованием крупных и сильных царств: Чу — в среднем течении Янцзыцзяна, У и Юэ — в нижнем. Параллельно с этим шло интенсивное развитие рабовладельчества, что сделало китайские царства VIII—III вв. до н. э. по своему строю государствами рабовладельческими.

История китайских царств VIII—III вв. — история блестящего развития китайской цивилизации. Рабовладельческий строй был тогда еще на подъеме и создавал возможности для развития производительных сил и культуры. Огромный мир кочевых и охотничьих племен, занимавших необозримые пространства северо-восточной, центральной, юго-западной и юго-восточной Азии, служил неисчислимым источником рабской силы, а необходимость отражать то и дело повторяющиеся набеги кочевников содействовала сплочению населения китайских царств, осознанию ими своего единства на основе общего противопоставления культурного земледельческого народа «варварам», как они называли окружавшие их племена.

Основная масса населения — труженики-земледельцы, объединившиеся в общины, наряду с рабами, трудившимися на земле рабовладельцев — собственников больших земельных угодий, создавали обширную и разнообразную земледельческую продукцию. Среди земледельцев-общинников процветали и ремесла. В стране развивалась торговля, возникали рынки. Появились металлические деньги. Расцветали города. Помимо старых столиц древнего Чжоуского царства, выросли в крупные городские центры столицы отдельных царств. Это были города-крепости, окруженные стенами, города с многочисленным служилым, ремесленным и купеческим населением. Торговля велась настолько интенсивно и давала такие барыши, что в эту эпоху даже сложилась поговорка: «Хочешь избежать бедности и стать богатым — занимайся не земледелием, а ремеслом. А еще лучше — не ремеслом, а торговлей».

Картина китайского общества в эту эпоху напоминает картину греческого общества в эпоху его расцвета, кстати сказать, охватывавшую почти те же столетия — VII—IV вв. до н. э.

Черты сходства проявляются и в одном крайне важном для прогресса культуры явлении: в развитии демократии. У власти были цари, рабовладельческая знать, но на культурной арене действовали не они, а простолюдины. Из их среды выходили ораторы, публицисты, ученые, философы. Многие из них стремились к активной политической деятельности и кое-кто действительно приобщался к управлению.

Царства древнего Китая вели между собой непрекращавшуюся борьбу, часто — военную, почти постоянно — политическую. Нужны были специалисты по военному искусству, и такие появились. Выдвигало их при этом не происхождение, а таланты. В VI—V вв. до н. э. прославился Сунь-цзы, не только как полководец, но и как военный теоретик, автор дошедшего до нас трактата по военному искусству; в V—IV вв. гремела слава непобедимого полководца

У-цзы, чье учение о войне также дошло до нас в особом трактате.

Каждое царство стремилось к внутреннему усилению. Считалось, что нужна была не только «сильная армия», но и «богатая страна», как тогда говорили. Поэтому нужны были экономисты, учившие, как лучше организовать хозяйственную жизнь своего государства. Именно тогда Шань Юем (ум. в 338 г. до н. э.) была создана в царстве Цинь концепция примата земледелия как основы всего государственного хозяйства, провозглашен принцип частной собственности, противопоставленный принципу общинного хозяйства.

Нужны были социологи, создававшие учения о наиболее рациональном общественном строе. Знаменитый Гуань-цзы (ум. в 645 г. до н. э.) создал теорию общества, представив его в виде четырех связанных друг с другом в жизни и в производстве классов: чиновников, земледельцев, ремесленников и торговцев.

Нужны были политики, которые могли бы предложить наилучшие способы управления государством. Образовалось целое направление политической мысли, утверждавшее, что государство есть объединение, строящееся на законах, создаваемых самим же государством, что суды и наказания — необходимое орудие поддержания порядка. Наиболее яркий выразитель такой концепции — Хань Фэй-цзы (ум. в 233 г. до н. э.). Это была новая линия политической мысли, выдвинутая эпохой.

Существовала, однако, и другая линия, сохранявшая еще отзвуки эпохи Чжоуского царства с его полупатриархальными порядками. Знаменитый представитель этой линии Конфуций (551—479) считал, что жизнь общества должна регулироваться не созданными человеком законами, а нормами обычного права, покоящимися на незыблемых законах семьи с абсолютной властью отца, на законах общины с ее идеалом сплочения всех членов. Внутренней же основой жизни общества, полагал Конфуций, должно быть то, что заложено в самой природе человека, что составляет сущность этой природы, что отличает человека от животного. Это — «жэнь», подлинное человеческое начало, проявляющееся в «искренности» и «сочувствии» ко всем другим: «Не делай другому того, чего не желаешь себе» — формула такого отношения. Впоследствии Мэн-цзы (372—289), крупнейший из продолжателей линии Конфуция, добавил к этому тезису положение о «долге», который регулирует любовь к другим.

Конфуций также стремился к политической деятельности, он не представлял себе возможности проповедовать что-либо, не пытаясь при этом проводить проповедуемое в жизнь. Так поступали и его ученики. Но были мыслители другого толка, вроде Чжуан-цзы (369—286), который на предложение одного из правителей перейти к нему на службу, сулившего при этом награды и почести, ответил посланному: «Ты видел жертвенного быка? Кормят и холят его несколько лет, покрывают разукрашенными покрывалами. Потом ведут его к жертвеннику. В этот момент ему хотелось бы стать жалким

поросенком, но разве он мог бы стать им? Уходи скорее! Не оскверняй меня!»

Чжуан-цзы был последователем Лао-цзы, которого считают старшим современником Конфуция. Лао-цзы — основатель философского даосизма, игравшего впоследствии наряду с конфуцианством огромную роль в умственной и общественной жизни Китая, — вообще все отвергал, за исключением «естественного». Поэтому для него не существовали не только законы, созданные государством, но даже и вековые нормы обычного права. С его точки зрения, все эти установления были чем-то навязываемым человеку со стороны, природа же человека не терпит никаких уз, ничего, кроме внутренних законов собственного естества.

Таковы были три главных течения общественной мысли Китая VIII—III вв., во времена расцвета рабовладельческого общества. История показала, что отвечающей потребностям развивающейся общественной и государственной жизни была концепция, выработанная «законниками» — представителями теории общества и государства, регулируемого законами и ими поддерживаемого, т. е. линия Гуань-цзы, Шан Юя и Хань Фэй-цзы. Они видели, что общество состоит из классов. Они разделяли мнение Сюнь-цзы (315—236 до н. э.), что зло заложено в самой природе человека, но полагали, что в результате благотворного воздействия мудрых законов государства зло будет подавляться, а за проявление зла следует наказывать, что и приведет в конце концов человека к добру. Именно с этой политической, социальной и моральной концепцией и родилось в 20-х годах III в. до н. э. первое объединенное китайское государство — империя, называемая в истории сначала Циньской — по имени дома Цинь, основавшего эту империю, а затем Ханьской — по наименованию нового правящего дома, через 15 лет сменившего на престоле империи дом Цинь.

В эти века бурной, богатой событиями, многосторонне развивавшейся жизни страны китайские ученые и мыслители разрабатывали главным образом вопросы экономики и политики, социального устройства и общественной морали. Но эти вопросы неизбежно соединялись и с вопросами морали личной; последние же вели к проблеме самой человеческой природы, к человеку, а от него — к его «спутникам», небу и земле. Китайцы находили в мире равнозначную триаду: «Небо — земля — человек». Создалось представление о процессе бытия как о действии двух противоположностей, в мире природы находивших свое проявление в свете и тьме, в мире людей — в мужчине и женщине. Образовалось представление, что сфера, в которой действуют эти противоположности, материальна, сама же материя состоит из пяти элементов-стихий. Отражение этих элементов в конкретной природе видели в дереве, огне, земле, металле и воде. Бытие мыслилось как круговорот этих элементов, в котором один преодолевает другой с тем, чтобы потом его самого преодолел третий, и т. д. Так в учении о пяти первоэлементах было заложено материалистическое представление о мире;

в учении о двух противоположных силах — основы диалектического представления о процессе бытия. Тем самым создавалась почва для плодотворного развития как практического познания мира, так и философского осмысления его.

* * *

Литература того времени развивалась в описанном русле разнообразных течений общественной мысли. Те произведения, в которых запечатлено учение двух древнейших мыслителей — Лао-цзы и Конфуция, основателей даосизма и конфуцианства, — «Дао-дэ-цзин» («Книга о пути и добродетели») и «Луньюй» («Суждения и беседы»), написаны в афористической манере, представляют своды изречений на разные темы. В «Суждениях и беседах» применяется и форма диалога. Почти целиком в диалогической манере построена книга «Мэн-цзы», названная так по имени мыслителя, учение которого в ней излагается. В книге «Чжуан-цзы», названной по имени одного из выдающихся представителей линии Лао-цзы, широко представлены притчи. У Хань Фэй-цы изложение учения соединено с маленькими новеллами, рассказами о старых преданиях.

Что это — философские трактаты, публицистика, художественная проза? И то, и другое, и третье. Исключение составляла поэзия: ее сфера с самого начала была очерчена точно. Поэзии противопоставлялась не одна художественная проза, а вся проза в целом. От мира прозы поэзию отделяла ее собственная стихия, глубоко отличная от стихии прозы: мерность речи — метр, ритм; звучность речи — эвфонические эффекты, рифмы, мелодика, — словом, все то, что идет от музыки и песни, этих двух неразлучных спутников словесного поэтического искусства на заре его возникновения.

Однако в «период отдельных царств» в китайской поэзии появился совершенно особый род, иной по природе, чем поэзия песенная, одическая, какую мы находим в древнем «Ши-цзине». Если видеть поэзию прежде всего в песне, это не песня; если видеть поэзию в стихе, это не стихи. По отношению к песне и стиху — это проза, но в такой прозе заложен внутренний ритм, проявляющийся не в повторах, как в песенной поэзии, а в синтаксических конструкциях; может присутствовать и рифма, но не как конституирующий элемент, а как подсобный; существует и членение, но не строфическое, как в песне, а композиционное. Китайское наименование такого рода поэзии — «цы», буквально — «слово». Из привычных нам наименований наиболее возможное в данном случае — поэма в прозе.

Наименование «цы» — «слово» — говорит о многом. Оно свидетельствует об организующем начале такой поэзии. Это начало — не стихия музыки, а стихия человеческой речи. Разумеется, элементы ритма, мелодики в ней присутствуют, но они служат для раскрытия слова.

Поэзия слова представлена в произведениях Цюй Юаня, поэта IV в. до н. э., впоследствии собранных в сборнике, получившем название «Чу цы» — «Чуские строфы» — по имени южного китайского царства Чу, родом из которого был Цюй Юань. Нужно, однако, отметить, что поэмы Цюй Юаня — не начало этого рода поэзии, а уже высокая ступень ее развития. Проследить путь сложения этой поэзии за отсутствием материала, дошедшего до нас, мы не в состоянии.

Цюй Юань — царский вельможа, высокий сановник при дворе правителя царства Чу. Еще из песен «Ши-цзина» известно, что в этой среде развивалась поэзия политическая. Значительная часть творчества Цюй Юаня представляет собой именно такую поэзию. Личные неудачи поэта усиливали горечь его обличений. Цюй Юань не угодил своему повелителю, был оговорен своими врагами, попал в немилость и был удален от двора. Предание утверждает, что, не выдержав тягот изгнания, он покончил с собой.

В широком развитии мотива гражданской скорби, переплетающегося с мотивом личной горестной судьбы, видна связь творчества Цюй Юаня с одной из старых линий китайской поэзии. Звучат в ряде его поэм и другие древние мотивы — мотивы шаманские, связанные с народными верованиями. В этом отношении он наследник прошлого. Вместе с тем и в его гражданской лирике и в обрядовых песнях выступает личность поэта, его чувства и думы.

Цюй Юань — первый в истории китайской литературы поэт, имя которого сохранилось. Широкой славой в Китае пользуется его поэма «Лисао» («Поэма гнева и скорби») — образец риторической поэзии. Подлинным перлом его творчества являются проникнутые глубокой грустью лирические раздумья, составляющие цикл из девяти стихотворений-поэм. Так и хочется присвоить им наше обозначение «элегий».

Погиб Цюй Юань — поэт южного китайского царства Чу, а через каких-нибудь полсотни лет, в 221 г., перестало существовать и это царство. Оно пало под ударами другого китайского государства — царства Цинь. Но судьба Чу не явилась исключением: под ударами царства Цинь одно за другим пали и все прочие китайские царства того времени. Цюй Юань оплакивал уходящее, уже отмеченное историей. Китай шел к объединению в одном большом государственном целом. Историческая роль объединителя выпала на долю царства Цинь. В этом царстве раньше, чем в других, ослабела традиция древнего общинного землевладения, развились крупные земельные поместья на началах частной собственности, возросла роль рабской силы, пошли вперед ремесла и торговля. Такие же порядки в разной степени устанавливались и в других китайских царствах, и это ослабляло их разобщенность. Сложилась даже поговорка: «Таланты из Чу на службе в Цзинь». Перед населением отдельных царств вставал облик общей родины — Китая. На гребне этого процесса и выросла империя. Циньский правитель был раньше «ван» — царь своего царства, теперь он стал «хуанди» — император,

«Первый император» Ши-хуанди, как он себя назвал. Однако власть Циньского дома закончилась на «Втором императоре», как назывался его наследник: в 206 г. до н. э. престол империи занял Лю Бан — основатель династии Хань, по имени которой с этого времени и стала называться империя.

Новая империя вступила на путь завоеваний. Скоро в ее состав вошли земли на юго-востоке, в бассейне рек Чжуцзян и Минцзян, а затем и северо-восточная часть Индо-Китайского полуострова — земли древнего Вьетнама. Были присоединены и земли на юго-западе нынешнего Китая. На северо-востоке имперскими областями стали южная Маньчжурия и северо-западная часть Корейского полуострова. Был нанесен решительный удар и по вековому противнику — гуннам. В I в. до н. э. одна часть гуннов заявила покорность ханьскому правительству и перешла в пределы империи. Другая часть снялась со своих исконных мест и начала свой многовековой путь на запад, приводя в движение народы и племена, встречавшиеся на этом пути. Так от границ Китая под влиянием толчка, данного китайцами, началось то движение народов по Азии и из Азии в Европу, которое вошло в историю под наименованием «великого переселения народов».

Эпоха Ханьской империи, занявшая четыре столетия — два последних века до н. э. и два первых века нашей эры, — представляет последнюю фазу китайской древности. Ханьская империя оставалась рабовладельческой, но в ней все интенсивнее развивались отношения феодальные, начавшие складываться еще в эпоху «Брани царств» (Чжань го), как наименовала китайская историография эпоху отдельных царств в Китае (403—221 гг. до н. э.). На балансе этих двух сил и необходимости их регулировать создавалась особая сила центральной власти в новой империи, и лишь тогда, когда баланс этот нарушился, когда обнаружилось, что только феодальные отношения могут обеспечить необходимое развитие производительных сил, эта империя рухнула. Это произошло в 220 г. н. э., после ряда народных восстаний, самым крупным из которых, решившим судьбу империи, было «Восстание желтых повязок», как его называли по желтым повязкам — знаку принадлежности к восставшим. Оно произошло в 184 г. н. э.

* * *

Время Ханьской империи было последней фазой существования древнего общества в Китае. По содержанию своей культурной и умственной жизни она напоминает Александрийскую эпоху в истории греческого народа. Кстати говоря, и там она началась в III в. до н. э. и также — с образования империи Александра Македонского, широко раздвинувшей границы эллинской культуры и вместе с тем обогатившей эту культуру элементами культуры Востока — Ирана, Индии, Средней Азии.

Именно со времени Ханьской империи началось проникновение китайской культуры в соседние страны — на Корейский полуостров, в Индо-Китай и даже на Японские острова. И если греческий язык в странах эллинистического мира стал языком образованности и просвещения, а греческая литература — основным материалом этой образованности, то такую же роль в окружавших Китай странах стали играть китайский язык и китайская литература. Наблюдалось при этом и другое: проникновение в Китай, в китайскую культуру элементов культуры других народов, главным образом народов Средней Азии, где, помимо древней культуры, скрещивались влияния культуры Ирана, Индии и эллинистического мира. Достаточно сказать, что во время Ханьской империи из Средней Азии в Китай стал проникать буддизм, сложившийся в Индии. А буддизм тогда был не только религиозным учением, но и целым комплексом культуры.

Что же дала эпоха Ханьской империи китайской литературе?

Наиболее общим признаком для всей умственной жизни этого времени было стремление к обобщению, к своеобразному подведению итогов прошлого и разработке на этой основе норм общественной и государственной жизни.

Один из самых важных памятников эпохи Ханьской империи — «История» Сыма Цяня. Появление этого труда (90 г. до н. э.) отнюдь не означает начала историографии в Китае: различные исторические сочинения возникали и раньше. Достаточно вспомнить древнейшую «Книгу истории» — «Шу-цзин», из более поздних — «Цзо-Чжуань», где излагается история древнего Чжоуского царства и распад его на ряд независимых государств, «Чжаньго-цз» — историю эпохи «Брани царств»¹. Сыма Цянь вступил уже на особый путь: он хотел составить всю историю своей страны до его собственного времени и изложить ее последовательно. Последовательность же эта диктовалась не только хронологией; она определялась неким внутренним фактором. Таким фактором был для Сыма Цяня принцип закономерности смены различных форм государственной и общественной жизни, в первую очередь — смен государственной власти. Закономерность эта укладывалась в упомянутую выше концепцию сменяющегося действия пяти первоэлементов природы и вместе с тем пяти начал бытия. Таким образом, Сыма Цянь не только изложил исторические события своей страны в хронологическом порядке, но и осмыслил их в характерном для того времени философском плане.

Разумеется, не в этом значение огромного труда Сыма Цяня. Ценность его в богатейшем историческом материале, касающемся не только Китая, но и жизни окружавших Китай народов. Без «Истории» Сыма Цяня мы почти ничего не знали бы о ранней истории этих племен. Но указанное стремление осмыслить историче-

¹ То же — «Борющихся царств».

ский процесс, а это значит и все прошлое своего народа,— характерное явление именно для эпохи «подведения итогов».

Подведение итогов прошлого Сыма Цянь осуществил в разных частях своего огромного труда, также и в той части, которая имеет не только историческое, но и художественное значение. Эта часть — «Жизнеописания». Сыма Цянь собрал сведения о жизни и деятельности выдающихся людей прошлого и изложил эти сведения в форме художественного повествования. Характерно, что знаменитыми людьми прошлого Сыма Цянь считал не одних полководцев и политических деятелей, но и мыслителей, например Лао-цзы, Конфуция, Гуань-цзы, Хань Фэй-цзы; поэтов, как например Цюй Юаня. В свой труд он включил жизнеописания даже совсем близких по времени лиц, как например политического деятеля, публициста и поэта Цзя И (200—168 гг. до н. э.), своих старших современников, как например поэта Сыма Сян-жу (ум. в 117 г. до н. э.). Такое расширение объясняется, по-видимому, стремлением Сыма Цяня обрисовать все, что подводило китайское общество и государство к строю Ханьской империи, установившемуся в правление императора У-ди (140—87), при котором жил Сыма Цянь. Красочность многих биографий, литературное искусство автора сделали «Жизнеописания» своего рода историческими новеллами.

При ознакомлении с «Жизнеописаниями» Сыма Цяня невольно вспоминается греческий писатель Плутарх с его «Сравнительными жизнеописаниями знаменитых людей древности». Несомненно, в этой области Плутарх — далекий собрат Сыма Цяня, родившийся почти через 150 лет после него. Труды Плутарха — продукт Александрийской эпохи, бывшей также своеобразной эпохой «подведения итогов» всей культуры эллинской античности. Вместе с тем эти труды служили целям обоснования общественного и государственного строя Римской империи, который устанавливался во времена Плутарха.

Пожалуй, черты общего были и в том строе, который рисовался взору Сыма Цяня и Плутарха. Для Плутарха идеалом была империя под управлением сильных личностей с привлечением людей просвещенных как советников по вопросам управления. Такими советниками при дворе римских цезарей грек Плутарх мыслил образованных греков. И для Сыма Цяня идеалом была империя, руководимая такими правителями, каким был в его время У-ди—действительно крупный государственный и военный деятель. Сыма Цянь также представлял себе правителя, окруженного просвещенными советниками, портреты которых он обрисовал в некоторых своих «Жизнеописаниях».

Кто же были эти советники? Знатоки древних установлений, теоретики политической мысли, экономисты, социологи, специалисты по вопросам индивидуальной и общественной морали. Они не были из знати, они принадлежали к средним слоям господствующего класса того времени, но по своему умственному уровню, по интеллектуальным интересам, по образованности они занимали первое место.

У-ди понял важность привлечения этого слоя на службу своей власти: он учредил «Ученую академию» из таких людей — род консультативного органа при правительстве.

В этой среде и в этой сфере общественной жизни в ханьское время ярко проявилось другое течение, характерное именно для эпохи подведения итогов. Состояло это течение в работе по отысканию, собиранию и исследованию древних памятников. В сущности, благодаря ханьцам до нас дошли многие из тех сочинений, которые возникли во времена древнего Чжоуского царства и в последующий период распада Китая на отдельные государства. Тот же «Ши-цзин» дошел до нас благодаря работе ханьских знатоков древней письменности.

Тут опять вспоминается Александрийская эпоха истории греческого народа — эпоха собирания древних письменных памятников, их исследования, комментирования. Те же «Илиада» и «Одиссея» дошли до нас благодаря работе этих ученых. Их назвали филологами, в их работе видят начало филологии как науки о памятниках древней письменности. С полным правом можно назвать филологами и ханьских исследователей памятников древности.

Но ханьские филологи выдвигали и другую задачу: исследуя памятники древней письменности, они производили отбор таких памятников, в которых содержался материал, могущий, по их мнению, составить основу создавшегося в Ханьской империи строя. Таких памятников оказалось пять: «Чжоу и», «Шан шу», «Мао ши», «Ли цзи», «Чунь цю»; все это — произведения, возникшие в чжоуское время или непосредственно к нему примыкающие. Они стали «цзинами», «Книгами» с большой буквы, «канонами». Три из них в дальнейшем так и стали именоваться: «И-цзин» («Книга перемен»), «Шу-цзин» («Книга истории»), «Ши-цзин» («Книга песен»). Сохранил свое старое наименование только «Ли цзи», свод древних установлений, норм обычного права и ритуальных предписаний, и «Чунь цю» («Весна и осень»), летопись царства Лу. Включение этой летописи в число канонических книг проливает свет на всю работу. Летопись царства Лу считалась произведением Конфуция, в учении же Конфуция ханьские филологи нашли наиболее приемлемые для своего времени положения и представили древние памятники как источники учения Конфуция. Так появилось конфуцианство — учение об обществе и государстве, о человеке и мире, о политике и морали, об искусстве управления и о путях нравственного совершенствования.

Бьющая ключом разносторонняя мысль времен отдельных царств, напоминающая картину развития и борьбы различных учений и концепций в Греции времени распада на отдельные государства-города, была закована в канон классических книг, из живого источника прогресса превратилась в догму. Таков был итог, подведенный ханьскими филологами. Для государственной власти именно догмат и был необходим даже независимо от того, подчинялись ли ему сами правители или нет. Император У-ди, основавший

указанную «Ученую академию» и сделавший своим первым советником ее президента, создателя канона Дун Чжун-шу, в своей практической политике следовал скорее концепциям «законников», памятуя слова Гуань-цзы: «Когда житницы и кладовые полны, люди знают, что такое мораль и долг. Когда люди сыты и одеты, они понимают, что такое честь и позор». Он помнил также и другие слова Гуань-цзы: «Знать, когда следует дать, чтобы потом снова взять,— это и есть самое важное в политике». Но для «облагораживания» политики полезно было говорить о человеколюбии и долге, об ответственности правителей перед народом и тому подобных высоких материях. Полезно было и представлять в глазах народа свое время, свои порядки как возвращение к «золотому веку» «царей-мудрецов», основателей Чжоуского царства.

В ханьское время произошло и еще одно значительное событие, также характерное для общей тенденции века и имеющее прямое отношение к литературе: в 120 г. до н. э., т. е. при том же У-ди, была учреждена «палата музыки» — Юэфу. В задачи палаты входило собирание народных песен. И тут дело не обошлось без подражания Чжоускому царству. Древние памятники утверждали, что при дворе чжоуских царей существовали особые собиратели народных песен, благодаря трудам которых и составилась впоследствии «Ши-цзин». Собирали же они эти песни для того, чтобы правители могли судить по ним, чем живет народ, какие у него думы, куда направлены его помыслы. Знать все это считалось необходимым для правителей, так как в их задачи входило и управление настроениями народа. У-ди учредил палату музыки в общем плане следования «древним мудрым образцам». Однако, как и в его «Ученой академии» не только собирали древние сочинения, но и обрабатывали их, а главное — создавали из них догматический канон, так и палата музыки должна была не только собирать народные песни, но и создавать на этой основе новые, могущие служить образцами. Это значит, что концепция правительственного регулирования была распространена и на эту область.

Таковы три важнейших явления, характерных для общего направления культуры и литературы Ханьской эпохи.

Однако литературная жизнь этим не ограничивалась. В Ханьскую же эпоху окончательно оформился и получил свое развитие тот поэтический жанр, начало которого мы находим в творчестве Цюй Юаня, жанр, называемый в Китае «цы». К этому же типу поэтических произведений относится и жанр «фу». Это также поэмы в прозе. Их отличие от «цы» не в поэтическом существе и форме, а в общем характере содержания: в «цы» более силен элемент риторический, в «фу» — изобразительный. «Цы» часто близки к риторической поэзии, «фу» — к описательной и повествовательной.

Своим развитием этот род поэзии был обязан Сыма Сян-жу (ум. в 117 г. до н. э.) — старшему современнику историка Сыма Цяня. Главными произведениями его являются «Поэма о Цзы-сюе» и «Поэма о великом муже». Сыма Сян-жу представляет собой но-